

«ЧЕТЬИ-МИНЕИ» БОРИСА ЗАЙЦЕВА

Терешкина Д.Б.¹

¹ФГБОУ ВПО «Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого», Великий Новгород, Россия (173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41); e-mail: terdb@mail.ru

Предложен новый подход к восприятию творчества Бориса Зайцева, одного из самых значительных писателей русского Зарубежья. Автор житийной повести «Преподобный Сергей Радонежский», Б. Зайцев не только в святых видел явление благодати Бога. Произведения писателя рассмотрены в контексте «mineйного кода» с маркерами имен святых, эпизодов их житий, историй жизни людей, хотя бы отчасти имеющих право считаться праведниками. В статье приведены аргументы тезиса о том, что все творчество Б. Зайцева можно рассмотреть как своего рода «Четьи-Минеи», где героями являются не святые, а подобия им в лицах простых смертных. Подробно рассмотрен цикл «Люди Божии», в котором наиболее отчетливо представлен mineйный код текста. Охарактеризованы художественные особенности творчества Бориса Зайцева; в его произведениях красота выражения становится сильнее трагичности содержания. Определена главная идея авторского пафоса: его вера в величие человека, красоту жизни и промыслительности всего происходящего.

Ключевые слова: «Четьи-Минеи», житие, святость, mineйный код

«CHETJI-MINEI» BY BORIS ZAITSEV

Tereshkina D.B.¹

¹Novgorod State University by Yaroslav de Wise, Velikij Novgorod, Russia (173003, Velikij Novgorod, Bolshaja Sankt-Peterburgskaja st., 41), e-mail: terdb@mail.ru

Proposed a new approach to the perception of art by Boris Zaitsev, one of the most significant writers of the Russian Abroad. The author of the hagiographic novel "St. Sergius of Radonezh", B. Zaitsev saw the phenomenon of the grace of God not only in the saints. The writer's works are considered in the context of the «menajon code» with markers of the names of saints, episodes of the lives, stories of people's lives, at least partly have the right to be righteous. The article presents the arguments for the thesis that all texts by B. Zaitsev can be seen as a kind of «Chetji-Minei», where heroes are not saints, but the similarity of their images. Considered in detail the series of stories «The people of God», which is more clearly shown «menajon code» of text. Characterized the artistic features of works of Boris Zaitsev; in his works the beauty of the expression becomes stronger than drama content. Defined the main idea of the author's pathos: his confidence in the dignity of man, the beauty of life and providential essence of all events in the world.

Keywords: «Chetji-Minei», life, Holiness, menajon code

Творчество Бориса Константиновича Зайцева (особенно в зарубежный период) можно считать ориентированным на православную традицию, прежде всего – агиографическую. «Преподобный Сергей Радонежский» – самое известное произведение Бориса Зайцева, ставшее хрестоматийным и вошедшее в школьное изучение темы по древнерусской литературе. Еще – «Валаам», «Афон», «Алексей Божий человек», «Священник Кронид», «Аграфена»... Разные жизни, часто – жития, являющие разные примеры подвижничества, представленные в совокупности, могут составить своего рода «Четьи-Минеи», созданные писателем, несомненно, не в рамках этого дерзновенного замысла, но в русле mineйной традиции, в контексте мировоззрения о присутствии Духа в каждом человеке, и так же воспринимаемые читателем.

Следует отметить, что влияние минейной традиции обнаруживается в творчестве Б. Зайцева не только в целом корпусе текстов, созданных с ориентацией на агиографический канон, но и в интертекстуальном присутствии Миней Четиих во всех этих произведениях. Можно сказать, что произведения Бориса Зайцева (как и в целом каждое подлинно художественное произведение) являются одновременно ориентированными текстами и текстами диффузного характера, в которых минейный код явлен в маркерах явных и скрытых, «сигнальных» и еле заметных, помещенных автором в сильной позиции и затемненных прочими деталями.

Так, в «нехитрый» рассказ о священнике Крониде вписан народно-церковный год с крестьянским трудом, вечными заботами о хлебе насущном, грехами и суетой земной жизни, исповедями в одном и том же, в чем человек не может не жить по слабости своей. Сам отец Кронид, крепкий шестидесятилетний сельский пастырь, вжился в эту среду, научился служить быстро и просто, не жалуясь и не ропща; «тридцать лет попом, имеет камилавку», «много лет он живет уж тут, <...> исправно ходит на службу, возвращается домой, венчает, хоронит, звонит в колокола...» [3, 48]. Но сквозь эту обычную жизнь, неизменно и постоянно давая о себе знать, проступает вечность, ради которой все это совершается, мерной поступью движется жизнь к житию. Отец Кронид, по-бытовому привычно совершая свои дела, «куда-то ведет за собой приход» [3, 48], видит словно со стороны красоту меняющейся природы, скрытую благость людей, смиренно принимающих мир и жизнь, – и становится для них отблеском Пастыря доброго, напоминающего о конечной цели всего сущего и о присутствии Бога в каждом человеке и его деле.

В повести «Аграфена» Б. Зайцев «так передает эпопею своей простой героини, что каждая обыденная страница ее существования принимает мистическое озарение, и невольно возникает у читателя мысль, что вся жизнь есть нечто священное, что мы не столько живем, сколько богослужение совершаем» [1, 527–528]. И вновь эта мысль, эта вера, что «не только святые, но и все имеют право на нимб; каждый человек – мистерия, и все мы, бедные Никандры и Аграфены, должны помнить это и в этом черпать утешение во многих скорбях своих» [1, 528]. С такой верой принимает смерть Алексей в рассказе «Тихие зори» и друг его, автор-повествователь, для которого Божий человек Алексей не умер, потому что нет смерти для праведника («то, что случилось с Алексеем, в сознании моем не была смерть. Я не знал, что это было; я ничего не знал, ни о чем не думал, но в то же время я глубоко знал, что Алексей неприступен» [3, 45]). Лишь очистившись от греха злобы и обиды, придя к искреннему прощению бывшей соперницы своей через ее дочь, девочку, ангелом явившуюся ей на могиле мужа, удостоивается спокойной смерти героиня рассказа «Смерть». Свой путь очищения проходит и Анна Михайловна («Актриса»), сумевшая преодолеть гордыню и

трудиться просто и благодарно на том поприще, что уготовила ей жизнь. И даже Авдотья, бедная, угнетенная, несчастная, но жестокая и странная женщина («Авдотья-смерть»), устаивается жалости и молитвы о ней одного человека – и уже, по мысли автора, будет Авдотья помянута перед Господом, не сгинет ее имя в вечной смерти, очистится от своего земного прозвища. Говоря о творчестве Б. Зайцева, О.Н. Михайлов пишет: «Свет Божий просторен, всем хватит места. В имперском своем могуществе Россия объединяла и в прошлом. Должна быть терпима и *не* исключительна в будущем – исходя именно из всего своего духовного прошлого: от святых ее до великой литературы все говорили о скромности, милосердии, человеколюбии» [4, 15–16].

Вера и надежда на спасение, на преодоление смерти и тлена земной жизни ясным светом мерцает во всей прозе Бориса Зайцева. В рассказе «Белый свет», повествующем о тяготах и ужасах хаоса гражданской войны, о голоде, распухших детях, людоедстве, убийствах, герой, волею судьбы живущий этой жизнью, как все люди, оказывается на Смоленском рынке, в кишащей толпе, продающей, ворующей, обманывающей и без сострадания уничтожающей друг друга. В этом «ничтожестве и безобразии убогой жизни» [3, 441] видит герой гравюру на снегу улицы. «Отдых Пречистой на пути с Иосифом в Египет. Богородица уснула. Лишь Младенец тянется к двум ангелам...» [3, 442]. Вечность и великая правда озарили человека в этой бездне угнетения. «Так вот где Ты, Спаситель, и Египет <...> Так вот где. Смотрим и молчим, проходим с только что добытым молоком...» [3, 442]. Житие, по Б. Зайцеву, – не где-то далеко в скитах или в устроенной себе жизни праведной; «и среди трагедии и фарса, цены на молоко, возни с обедом, очереди в булочной, среди смеха, смерти, сладких пирожков и рева голода подымлет [Верховная жизнь] свой бокал с вином, крови подобным» [3, 443]. Причастия кровью Христа может быть удостоен каждый, к этому с любовью и верой пришедший. Таков каждый обычный человек у Б.К. Зайцева. «Рассказанная им человеческая биография неотразимо действует на всякого, потому что, в иных комбинациях, с другими признаками, она может быть отнесена ко всякому. В ней сквозь местные подробности светит вечное содержание» [1, 528].

Особое место в числе произведений Б. Зайцева занимает цикл «Люди Божии», в котором минейный код читается в наиболее сгущенной и яркой форме – сам, по сути, является маленькой Четвёй-Минеей.

В цикл входят три небольших рассказа, каждый из которых посвящен одному из «людей Божиих» – немому безымянному мальчику («Домашний лар»), чернорабочему-сквернослову Кимке («Республиканец Кимка»), умалишенному (в обычном, людском понимании) бывшему богатому молодому помещику («Сережа»).

Когда речь заходит о «Божьих людях», в сознании любого человека, осведомленного в религиозных представлениях христианства, возникнет образ праведников — людей, живущих по христианским законам, радеющих о ближних либо совершающих какой-либо подвиг. Ни один из указанных персонажей цикла не является таковым. Сквернослов Кимка (Федор Акимыч), не могущий изъясняться без хульных слов, исполняющий всякую работу в имени в состоянии какой-то вялой апатии, сварливый, раздражительный, равнодушный (может коня не напоить, за которым смотрит, спокойно зарывает, убивая, щенков дворовой собаки), похоже, и души-то не имеет. «Дни Кима проходят в курении, вялой работе, еде, брани. <...> С ним трудно. Из-за пустяков он вспыхивает, краснеет и дико ругается. Иногда же бранится механически, по давней привычке. Во хмелю страшен и жалок. Думаю, что он, опившись спиртом, может кончить дни под забором. Вне этих дел он угрюм, равнодушен. Хочется верить, что по природе он не зол» [2, 129]. Сережа, уверивший после смерти сестры, что ее душа переселилась в него, стал почти юродивым («блаженным» называет его добрая Василиса Петровна, работающая в помещицьем доме), ходит по своим вымышленным делам, обнаруживая остатки когда-то просвещенного ума, вызывая смех окружающих женской одеждой, неопрятностью и безумными речами. Больной мальчик, увечный телом и немой, умственно отсталый, даже не получивший имени, потому что думали, что он умрет, выжил, выучился ходить на кривых ножках, «говорить» на своем убогом языке и даже общаться с теми, кто его понимает, кажется, не приносит никакой утилитарной «пользы» обществу, кроме того, что стал своего рода «рыцарем» барской девочки, играя с ней и катая ее в коляске. Судьба его неведома не только ему самому, но и всем окружающим, мало пекущимся о его существовании. «Что ждет его впереди? Будет ли он деревенским дурачком, юродивым, усердным молельщиком в церкви, раньше всех являющимся? Или просто пахарем родных нив? <...> Время, медленно ведущее его, покажет» [2, 127].

Таковы ли «люди Божии»? Этих ли, ведущих почти животную жизнь, вписывать в Минею Четью людской святости?

И таких тоже, утверждает автор. По мысли Бориса Зайцева, угодником Божиим в Царствии Небесном может посчитаться тот, кого люди, по несовершенным понятиям своим, угодниками не мыслят. Предполагать отсутствие души у Кимки неверно. «У него есть улыбка, а следовательно, и душа» [2, 129]: Кимка улыбается барской девочке, которая шутит с ним, по-детски наивно (и верно) не разделяя людей на «хороших» и «плохих», «умных» и «дремучих». «Дремучий» Кимка даже читать умеет – и читает кухарке зимними вечерами не понятные ему книги вслух. Маленький немой мальчик, усвоивший лишь несколько еле выговариваемых им слов, всех мужчин называет «папа», «женщины все “мама”» [2, 126] – и словно становится дитем всех окружающих, приемным сыном «разумных» и

благодетельствующих его чаем (единственным его истинным наслаждением) и куском хлеба. «И иногда в дни тяжкие, когда все взрослые, да и весь, кажется, мир подавлен, — бывает радостно видеть, как маленький человек беззаботен и счастлив куском пирога, булкой, конфеткой <...> он наш маленький домашний лар, покровитель и охранитель мирной жизни» [2, 127]. Таков и Сережа, и Кимка – не всем быть разумными, сильными, совершающими поступки во славу Божию. Есть и такие, *на которых* направлены богоугодные поступки других людей – и всегда призрение сироты и убогого было правилом христоробивых людей, спасало их от многих грехов, являло их милосердие и душевную щедрость («смутно чувствуем это мы всегда; потому и не жаль лишнего пряника – как не жалели его две тысячи лет назад» [2, 127]).

Персонажи, описанные в цикле «Люди Божии», относятся к тому типу людей, которых в новозаветной традиции принято называть «нищие духом». Согласно одному из объяснений значения еврейского слова «ани», позже переведенного в Евангелии как «нищие духом», — «бедный, неимущий, смиренный, согбенный, кроткий». Нищими духом называл Христос всех в толпе, внимавшей Ему. И хотя в героях Б. Зайцева нет этого мотива внимания Господу (как нет понимания Всевышнего слабоумными Сережей, Кимкой и немой мальчишкой), — это понимание дано окружающим, прежде всего автору и через него – читателю. «Если не верить в Бога, то надо признать, что все его [Кимки – *Д.Т.*] существо, вся тусклая и смутная жизнь, похожая на прозябание животных, развеется бесследным облаком. Жил он или не жил, нельзя будет даже сказать. Если же верить, то, быть может, перед Его судом гражданин Кимка окажется лучше, чем перед нашим. Быть может, за то, что был ему дан скудный ум, жалкая внешность, дикая речь; за то, что столь мало света видел он в жизни; за то, что его не любили и смеялись над ним, ему будут прощены ругательства и если верно, что последние да будут первыми, то Кимка, имя коему – тысячи, не ведающий о себе республиканец, будет и вправду допущен в ограду и сделан гражданином иной, не нашей республики» [2, 130].

Подобное осознание христианского величия нищих духом описано в знаменитом цикле К.К. Случевского «Рецепт Мефистофеля», в стихотворении «Соборный сторож»:

Но есть такие могилы,
Где Мефистофелю-сторожу
Вызвать огонь не под силу!

В них идиоты опущены,
Нищие духом отчитаны:
Точно водой, глупой кротостью
Эти могилы пропитаны.

Гаснет в воде этой пламя!

Не откачать и не вылить...
И Мефистофель не может
Нищенства духом осилить! [6, 152]

При встрече с истинной святостью даже демонические силы меркнут, теряют смысл. «Нищие духом», которые, по Евангелию, наследуют Царство Небесное, – единственная неприступная цитадель для духа зла. «Глупая кротость», которой Мефистофель называет бесконечное смирение и отсутствие даже намека на гордыню, чем не может похвастаться сам герой, возмущающий сомнения, оказывается настолько «нищей», что с ней всякая борьба бессмысленна.

Так писалась история христианской святости; каждый из послуживших Христу вписывался в страницу общей Минеи Четъей.

Так может быть прочитано и все творчество Бориса Зайцева, создавшего свои «Четьи-Минеи» из житий обычных людей, поминовение которых вписывало их имена в Книгу Жизни и давало надежду простым смертным на Царство Небесное.

Список литературы

1. Айхенвальд Ю. Борис Зайцев / Зайцев Б.К. Осенний свет: Повести и рассказы. – М.: Советский писатель, 1990. – С. 521–530.
2. Зайцев Б.К. Люди Божии / Сост., вступ.ст., коммент. С.Н. Осипов. М.: Сов. Россия, 1991. – 432 с.
3. Зайцев Б.К. Осенний свет: Повести и рассказы. – М.: Советский писатель, 1990. – 544 с.
4. Михайлов О.Н. «Бессмысленного нет...» (О Борисе Константиновиче Зайцеве) / Зайцев Б.К. «Улица святого Николая»: Повести и рассказы. – М.: Худож. лит., 1989. – С. 3–16.
5. Прокопов Т.Ф. Все написанное мною лишь Россией и дышит: Борис Зайцев: Судьба и творчество / Зайцев Б.К. Осенний свет: Повести и рассказы. М.: Советский писатель, 1990. – С. 6–30.
6. Случевский К.К. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост., подг. текста, прим. Е.А. Тахо – Годи. СПб.: Академический проект, 2004. – 816 с. (Новая Библиотека поэта)

Рецензенты:

Кошелев А.В. д.фил.н., профессор, проф. кафедры русской и зарубежной литературы Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, г. Нижний Новгород;
Каминская Т.Л., д.фил.н., профессор, проф. кафедры кадровой политики и управления персоналом Российской академии народного хозяйства государственной службы, г. Великий Новгород.